

Театральный мир Нины Шалимовой

БИЛЕЙ

Сегодня Ярославский театральный институт отмечает юбилей профессора, доктора искусствоведения Нины Алексеевны Шалимовой, известного театрального критика, педагога, ученого, автора книг драматургии А. Н. Островского.

ТАЛАНТЛИВАЯ И ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ

Приглашенная четверть века назад на работу в Ярославль, в свой театральный вуз, Нина Шалимова как драгоценное рекомендательное письмо показывала книгу своего учителя Павла Александровича Маркова с дарственной надписью его ученице. Она открывала обложку бегло, как революционный мандат. Броилось в глаза первое слово: «Талантливой...»

Ах, Павел Александрович, Павел Александрович! Проницательный и пророчески-точный. Первый текст надписи был такой: «Талантливой и легкомысленной Ниной Шалимовой – в надежде на развитие таланта и снижение легкомысленности...» Прогнозы сбылись наполовину. Талант мощно развивался, а неудержимое легкомыслие обнаруживало взрывчатый темперамент. Воистину, Ниночка, Моцарт, недостоин сам себя...»

Павел Александрович Марков, выдающийся и благословенный учитель, легендарный завлит МАТа времен Станиславского, все знал, все знал... Ее легкомыслие – неумение и нежелание жить по канонам, протоколам и ритуалам, следовать нормам и образцам этикетности советской лирики какой угодно эпохи. Нарушительница всех и всяческих регламентов, она вырывалась из любых пут и оков. Она читала австрийские курсы лекций в качестве лектора, чего нельзя было полагать, например, в педагогическом.

При встрече с коллегами устраивала «проверку на дорогах». Достаточно было понять, что ты плаешь. Имена писателей, рецензоров, ученых служили эстетическими ориентирами, которые, в конечном счете, определяли все. Хмурым бронтозавром отологии (им было несть числа) противостояли труды Бахтина, Бердяева, Лотмана, Панченко, Пеленского, Берковского. Тогда, в 1980-м, мы еще не знали ни мирового философского наследия, ни русских религиозных философов, ни русского зарубежья. Это было закрыто. Но вряд ли кто лучше Нины Алексеевны Шалимовой мог рассказать студентам театре Мейерхольда или Таирова о студии Вахтангова, созданиях Михаила Чехова, о спектаклях Товстоногова, Эфроса, Любимова.

Точность художественного вкуса, логическая безупречность, мужество исследователя, отстаивающего свои убеждения, и рядом – некая залихватская удалость, бесшабашность, эйфория легкой вольной мысли и речи... Откуда взялись эти контрасты характера?

ВОЕННО-ССЫЛЬНЫЙ РОМАН

Мама Нины Алексеевны, Луиза, была истинной петербурженкой. В конце 30-х окончила в Ленинграде педагогический техникум, отделение немецкого языка, и уехала по распределению в город Энгельс. Вышла замуж, родила двоих сыновей, Виктора и Артура. Муж вскоре погиб на финской. В первые же месяцы Великой Отечественной Луиза, немку по рождению, выслали в глубинную Сибирь с двумя малолетними сыновьями. В селе Верхняя Марушка выбора не было – или лесоповал, или колхозное поле. Здесь-то и заметил голубоглазую Луизу Алексей Моисеев, сильный, суровый, немногословный. Гимнастерка без погон, нашивка – знак тяжелого ранения. Алексей рассказал, что до фронта так и не успел доехать. Водитель легковой «эмки», он не довез своего генерала до передовой: началась жестокая бомбежка. Генерал был убит, Алексей выжил. Очнулся в военном госпитале в Бийске. После лечения здесь и остался. Алексей решил перевезти Луизу и детей в Бийск. Разрешение на бракосочетание и переезд нужно было получать даже не в Бийске, а в Барнауле, в краевом центре. Просьбы Алексея встречали не только холод отчуждения, но и злобу. Жениться на ссыльной, к тому же немке, к тому же с двумя детьми?... Ссылнопоселенцы жили по особому режиму, под постоянным контролем. Регулярно ходили отмечаться. Ты что, парень, не советский? Но Алексей был жив своим чувством, которое защищал несколько лет. В семье появилась дочь Валентина, Луиза ждала четвертого ребенка. Долгожданное освобождение и разрешение на брак пришли в 1954 году. Алексей перевез Луизу в Бийск, и вскоре родилась Нина.

Семья, дружная и очень домашняя, жила в бедности, но словно бы не замечала ее. В 1961 году умер отец. Время было го-

лодное. В отделе народного образования Луизу как вдову фронтовика решили поддержать: Нину определили в интернат на полное государственное обеспечение. Все будет матери легче. Для шестилетней девочки наступила другая жизнь. Осенью она пошла в первый класс. И однажды в ее жизни произошло чудо. Детей повели на спектакль в Народный дом. Это была сказка «Цветик-семицветик» Катаева. Потрясенная, Нина обрела другой мир.

Театра в Бийске тогда не было. Был Народный дом – луч-

гой театральный мир – через телевидение, через журналы «Театр» и «Театральная жизнь». Он был огромен, как неоткрытый заповедный край. Спектакли, в которых она участвовала, играя небольшие роли, стирали с лиц людей следы будничных забот.

В одной из недавних статей о театре нашего времени Нина Алексеевна спросит читателя: как возможно чистое и сильное искусство во времена цинизма и равнодушия? И ответит: только так и возможно. Очищающее и облагораживающее душу

Фото Маргариты ВАНЯШОВОЙ.

В перерыве между лекциями со студентами.

шее старинное здание в городе, где ленинградка из эвакуированных руководила самостоятельным молодежным театром «Ровесник». Нина рвалась в театр. Однако интернат жил своей жесткой режимной жизнью. В театр Нину не пускали.

– Мамочка! – бросилась Нина к матери, когда та пришла навещать ее. – Забери меня поскорее отсюда! А то я не разовьюсь!.. – так и сказала.

«Не разовьюсь» для нее, хрупкого растения-семилетки, было равнозначно прекращению роста и физической гибели. Так отзывались в маленьком сердце слова театральной руководительницы: «В интернате – не разовьешься».

Вскоре Нина стала полноправным членом прекрасного содружества молодежного театра. Ребята от восьми до восемнадцати называли себя ровесниками, жили идеалами романтических 60-х. Они дружны и до сих пор, и все состоялись как люди творчества и культуры. А тогда Нина жадно открывала для себя дру-

жество искусства театра – не выдумка театроведов, не метафора критиков и не легенда. Непосредственное, искреннее и яркое восприятие театральной игры, наверное, никогда не выветрится из человеческого сердца.

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА

С аттестатом зрелости Нина спешит в Москву. Самое начало 70-х. Москва кипит спектаклями, именами, событиями. Мир театральный – «Современник» и Галина Волчек, Таганка и Любимов, Эфрос и Малая Бронная, Гончаров и Маяков, Олег Ефремов и МХАТ. Спектакли то и дело запрещают, отчего они становятся еще острее, фильмы кладут на полку, бранят «Новый мир», на московских кухнях обсуждают отставку Твардовского, высылку Солженицына. Это годы ее студенческой поры в Государственном институте театрального искусства. Она слушает лекции Дживелегова и Бояджиева, Асеева, Образцову, принята на

курс самого Павла Александровича Маркова! Рекомендована Марковым в аспирантуру. Тема диссертации «Поэтический театр. Традиции Мейерхольда в театре Любимова». Для середины 70-х – тема чрезвычайно смелая, и время от времени до Нины доходят шепотки – зарубят!

Лучшие часы и дни, лучшее ученичество – время, проведенное в доме Учителя. Рядом с Марковым за столом – Мария Осиповна Кнебель рассказывает о новостях, о письме, которое она получила от дочери Михоэлса,

Инна Вишневская, Инна Соловьева, Борис Любимов, известные искусствоведы.

ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ

Скажи ей тогда, что центром ее новых интересов спустя некоторое время станет Островский и Малый театр, она бы сочла это неслыханной ересью. Уже в Серебряном веке театр Островского казался рутиной, купеческое Замоскворечье – архаикой. Парадокс: Островский сегодня, в последние десятилетия – самый репертуарный драматург. Почему?

– Да потому, – отвечает Нина Алексеевна, – что Островский оказался зеркалом времени. В нем нет прямолинейности. У него есть душа человеческая, которая проходит испытание бедностью, богатством, унижением, успехом, карьерой. И это оказывается нам всем очень близко. «Театральная радость возникает оттого, что в нем есть душа. И эта душа на сцене живет». Островский был очень чувственным по отношению к героям и очень объединял зрительный зал. То, что мы пережили за десять-пятнадцать лет, – переживания очень горькие. Чувство выброшенности за пределы нормы человеческой жизни, постоянное ограничение себя именно в радости. И это все на фоне безумного и бесстыдного богатства. Через такое испытание проходит человеческая душа в последнее десятилетие. Но через это же испытание проходит душа героя Островского. Времена совпали. Эпоха первоначального накопления капитала и сегодняшняя ситуация оказались близкими. В творчестве Островского человеческая душа «сохранена от распада и уничтожения».

Нину Алексеевну трудно заставить на месте. Она успевает «отслеживать» премьеры в Питере и Москве. Участник и организатор театральных фестивалей; посвященных Островскому и не только ему. Театры приглашают ее в качестве научного консультанта, обращаясь к Островскому. Кострома, сохраняющая доселе черты патриархальных русских городов – Калининград или Бряхимова (из пьес Островского), где Нину Шалимову знают и любят как свою, родственную душу, и музей-усадьба Островского «Щельково» для Шалимовой – творческая лаборатория. Она любит учить студентов, и они чувствуют себя настоящими «мучениками науки». Но это веселое ученичество и мученичество. Нынешнее время давно стерло все ампулы, но педагог убеждает студентов в главном: они обязаны выходить на сцену в одном, но единственно нужном зрителью ампулы – ампулы человека.

Маргарита ВАНЯШОВА.